

11.06.94
Завадский Сергей

Сергей Владиславович Завадский (1871—1933) почти не знаком современному читателю. Он родился в Казани в семье активного деятеля эпохи великих судебных реформ. Окончил юридический факультет Московского университета.

Блестящий юрист, профессор гражданского права, талантливый лингвист, редкий знаток русской литературы и письменности, замечательный переводчик греческих трагедий, тонкий ценитель античного искусства, оригинальный историк — всему он отдал дань творческого увлечения и труда.

В феврале 1917 года он закончил свой служебный путь на самом высоком посту цивилиста — сенатором, обер-прокурором гражданского департамента Сената. Он вел дело Г. С. Хрусталева-Носаря (первый председатель Петербургского совета рабочих-депутатов), дело В. А. Сухомлинова (военного министра), дело И. Ф. Манасеича-Мануйлова (чиновника особых поручений при министре внутренних дел), дело об убийстве Г. Е. Распутина и др. При Временном правительстве Завадский оказался товарищем председате-

ля комиссии, которая должна была расследовать преступления министров царского режима при исполнении ими служебных обязанностей. Однако, отдавая себе отчет, что под давлением революционных настроений комиссия не отвечает требованиям нормального следствия в рамках существующего законодательства, Завадский вышел из ее состава.

В 1918 году он покинул Петроград и переехал в Харьков. Там на Украине — краткая деятельность при гетмане Скоропадском (в его правительстве он занимал пост державного, т. е. государственного секретаря), а затем — работа председателем особой комиссии при Главнокомандующем вооруженными силами юга России по расследованию злодеяний большевиков. Неудивительно, что после всего этого он вынужден был покинуть Россию.

С 1922 года Завадский в Праге, где основывается Русский юридический факультет. Сергей Владиславович читает курс гражданского права, преподает историю русской литературы в Высшем коммерческом институте, выступает с лек-

циями и докладами в разных обществах, становится незаменным членом пражской русской колонии. Его избирают председателем Русской академической группы в Чехословакии, председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике, председателем Совета Русского заграничного исторического архива в Праге.

Жизнь С. В. Завадского оборвалась в Праге, где он похоронен на Ольшанском кладбище.

В настоящее время готовится к печати книга воспоминаний Сергея Владиславовича Завадского на базе его архива, хранящегося в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ, куда он был передан падчерицей ученого Клавдией Петровной Макаевой.

Ниже впервые печатается по автографу статья С. В. Завадского, которая извлечена из его архива.

Вячеслав НЕЧАЕВ.

Сергей Завадский

Культура. — 1994. — Июнь. — С. 4.

О российском и русском многоединстве

И вот уже начато злое дело: преемники строителей и устроителей растаскивают общий дом по бальке и по кирпичу, горя желанием «выселиться на хутора» и забывая русскую поговорку: «Стали братья печашку (печь. — В. Н.) делить, каждому брату по пещинке (по кирпичу от печи. — В. Н.) досталось». И твердят: «Россия — тюрьма народов», твердят и те, кого российская государственность не дала онемечить, ошведить, ополычить.

Не будем торопиться, однако, с обвинением лишь отпадающих. Вскоре часто обе стороны неправы. И, конечно, было бы недостойно ограничиваться указанием, что Россия не одна и не всех больше допускала притеснения и не только притесняла, хотя это указание само по себе и верно. Нет, нужно во имя правды сказать без обиняков, что в России удовлетворены были не все справедливые требования национальных меньшинств. Но ведь не был удовлетворен и первенствующий народ русский; это бесспорно даже и в таком случае, если мы понятие «русский народ» произвольно сузим до одних великорусов. Следовательно, виновником оказывается не русский народ, не великорусская его отрасль, а старый строй империи. А тогда тяжелая вина падает и на всех отпадающих, не от бывшей России и не от настоящей, а от всякой, даже и будущей,

какова бы она ни была! Они ответственные и перед российским целым, и перед самими собою за свое слепое и упорное нежелание даже попытаться не рвать с общим нашим многоединством, оставаясь в нем уже на новых и равных правах.

Думали ли вы над тем, что наш народ знает глагол «обрусеть» (даже говорит, например, «заяц обрусел» в смысле «стал ручным») и не знает глагола «обрусить», книжного, такого же искусственного, как слова «своеобразный», «умозрительный» и т. п.? От идущих искони живых глаголов на -ить отглагольные существительные меняют последнее «с» в корню на «ш»: воскресить — воскрешение, смесить — смешение, повесить — повешение. А от воскреснуть, висеть — воскресение, висение («с» в таких случаях остается неизменным). И вот в русском языке есть слова **обрусение** (от **обрусеть**: сам стал русским), как и **облесение** (от **облесеть**: местность сама поросла лесом), тогда как ни **обрусения**, ни **облесения** нет: лесоразведение нашему народу заниматься было еще не так давно незначим, а насильственно навязывать свою русскость кому бы то ни было он склонности никогда не имел, и легко угадать, откуда вышли первоначальные зачинщики такого называния, если обратит надлежащее внимание на ла-

тинско-немецкого происхождения слово **русификация** и русифицировать, как равно и на противное духу русского языка приурочивание слова **обрусение** к глаголу **обрусить**, а не **обрусеть**.

Но самое ужасное в этих отщепенских устремлениях — украинский сепаратизм: тут работают не на разброд разных российских народов, а на распад единого (точнее — триединого, еще точнее — многоединого) русского народа. Только «творимая легенда» может не считаться с единым происхождением всех русских, которое было известно еще начальному летописцу и «Слову о полку Игореве» и подтверждается рядом особенно-

руса, сына Савы Туптало, Данилу Тупталенка (святого Дмитрия Ростовского). После того, наконец, как в общерусское государственное дело, считая его за свое национальное, вложились Разумовские, Безбородко, Завадовский, Кочубей, а за ними Трошинский, Вронченко и бесчисленное множество других малорусов до наших дней. Но опять-таки, быть может, эта новая русская экспансия с юга на север была лишь поверхностным движением, а народные слои уже начисто разъединились? Недаром же говорят некоторые, малорусы дразнят великорусов «кацапами», а те их «хохлами». Неужели, однако, этим «некоторым» ничего не известно о древнегреческих абдерах, немецких швабах, французских гасконцах? Неужели они не знают, что и среди великорусов смеются над пошехонцами, сулят «амчанина (жителя Мценска) на двор», говорят, что «в Старице рака с колокольным звоном встречали», что «Орел да Кромы — первые воры», а «Ливны — все ворам дивны»? Зубоскальство не вражда, соседская перебранка не доказательство разнорасовости. Напротив, глубинно показательно, что русалки водятся и в Днепре, и в Оке, что северные и сибирские великорусы пронесли сквозь века до последнего времени как свое национальное достояние киевские былины, в которых, кстати сказать, к Киеву приурочен и ростовец Алеша (Александр) Попович, что, наконец, и малорус Гоголь, и великорус Лев Толстой в существенном и основном одинаково пережили духовный надлом, одинаково же отходя от чисто художественного творчества к религиозно-нравственному учительству. Это — уже подлинно убедительное свидетельство единых корней многоединой, во множестве единой общерусской культуры. И приходится признать, что не русское многоединство является наносным, искусственно навязанным, а наносными были немецко-московско-великорусские попытки обеднить это многоединство наклоном к упорному единству, наносным оказываются и немецко-польско-малорусские попытки обеднить это многоединство упрощенною множественностью отдельных государственных новообразований.

Прискорбно вспомнить, как российское правительство опасалось то Евангелия на малорусском языке, то малорусских литературы и театра, не постигая, что все это лишь новые краски в общерусской культурной сокровищнице. Еще при Алексее Михайловиче киевская разновидность православия победила московскую в самой Москве, после того, как ростовские великорусы, еще до синодской канонизации признали своим святым мало-

сем грустно, особенно малорусам, видеть и слышать, как украинцы, напрасно отождествляющие себя со всеми малорусами, трудятся над превращением части народа Пушкина, Гоголя, Толстого и Шевченко в народ Шевченко, оставляя другой части и Пушкина, и Толстого, и даже Гоголя (переводы не подлинники). А еще тяжелее знать, как украинские сепаратисты поражают — пока только указательным перстом на карте — тех, кому великодушно уступили исконное национальное имя русских, и, помимо исторических малорусских земель, мысленно захватывают себе также земли, принадлежавшие еще Москве (как, например, Харьковская губерния) или завоеванные Петербургом (как, например, Новороссия и Кубань) только потому, что там большинство населения малорусы. Самим отказаться от общерусской литературы хоть и убыточно, все-таки не так уж трудно, но нелегко других заставить отказаться от своей земли: люди и от чужого не любят отказываться. О русском же междоусобии и помыслить жутко, кто бы ни победил: мудро наш народ сблизил победу с бедой.

Как-то один украинец говорил, что они в прежней России испытывали зубную боль, и что прошло то время, когда зубной боли не лечили. Не будем возражать против этого сравнения, но скажем: прошло и то время, когда зубную боль прекращали выдергиванием зубов, — давно уже выучились и от боли вылечиваться, и зубы сохранять. И в государственной жизни лучше быть не зубодером, а зубным врачом. И причинять зло брату и себе в настоящем, не значит исправлять прошлое зло. И не значит исправлять чужие ошибки, если повторять их, только выворотив наизнанку. И неразумно от музыкальных возможностей скрипки или виолончели возвращаться к гитаре и балалайке; нельзя ограничить себя одними басами рояля и ожидать, что после этого лучше и свободней на нем заиграешь. Всюду многоединство — драгоценный дар судьбы. И пусть многоголосый общерусский хор, бывало, пелал вразброд, пусть в нем иногда один голос пытался заглушить другого. Но разве это основание к тому, чтобы разбиться на меньшие хоры в стремлении к унионизации, а не к тому, чтобы добиться полной стройности мощного хорового пения, где каждый голос и самостоятелен, и входит частью в общее музыкальное целое?

Фанатизм глух, но — хочется верить — не все же мы оглохли. И нельзя ослаблять шансы России, да — к чему недоговаривать? — и всего славянства в той борьбе, которую нам, видимо, опять навязжут, и не только с Востока, но и с Запада.

12 мая 1934 год.